

DOI 10.31250/2618-8600-2021-2(12)-29-51

УДК 398(=152.153)

В. А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН,

Новосибирск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9636-3081

E-mail: venariy@ngs.ru

Образ зайца в традиционных представлениях и фольклоре хакасов (конец XIX — середина XX в.)

АННОТАЦИЯ. В статье впервые охарактеризован образ зайца в традиционной культуре хакасов. Источниковую базу исследования составили лингвистические данные, фольклорные и этнографические материалы. Используемые в работе фольклорные тексты — отрывки из героических сказаний (*алыптыг нымахтар*), а также архивные материалы в авторском переводе на русский язык впервые вводятся в научный оборот. В работе проанализированы место и роль образа зайца в устном народном творчестве и отдельных ритуальных практиках. В представлениях хакасов это животное имеет неоднозначную характеристику. В основе ее — природные качества животного: внешние особенности, режим питания, физические возможности, специфика поведения и т. д. Многовековое наблюдение народа за этим млекопитающим, осмысленное в соответствии с собственным традиционным мировидением, наложило свой отпечаток на образ, который сформировался в традиционной культуре. В нем выявляются как типичные черты, приписываемые зайцу человеком (трусость, слабость, глупость), так и специфические, характерные именно для хакасской традиции (непосредственное отождествление с конем, акцент на белой окраске заячьей зимней шерсти, связь с небом и потусторонним миром и наделение некоторых его представителей заячьими чертами и пр.). В религиозно-мифологическом восприятии хакасов такие места его лёжек, как ямы и всевозможные углубления в земле, традиционно причислялись к хтоническому пространству. В связи с чем хакасы убеждены, что заяц имеет мистическую связь с потусторонним миром. Для этой традиции характерна вера в способность зайца к оборотничеству и приписывание ему тесных контактов с обитателями иного мира. Поэтому, очевидно, не случайно отдельные демонические персонажи наделялись некоторыми заячьими чертами (в частности зубами и пр.). Указанные обстоятельства способствовали тому, что в традиционном восприятии хакасов заяц вдобавок ко всему еще и репрезентируется как «худший из зверей» — нечистое, потенциально опасное животное.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: хакасы, традиционная культура, фольклор, заяц, образ, символ, мифы, обряды

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бурнаков В. А. Образ зайца в традиционных представлениях и фольклоре хакасов (конец XIX — середина XX в.). *Этнография*. 2021. 2 (12): 29–51. doi 10.31250/2618-8600-2021-2(12)-29-51

V. Burnakov

Institute of Archaeology and Ethnography Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9636-3081
E-mail: venariy@ngs.ru

Images of the Hare in the Traditional Beliefs and Folklore of the Khakas (Late Nineteenth–Mid-Twentieth Centuries)

ABSTRACT. The purpose of this article is to describe images of the hare in the Khakas culture. To achieve this goal, the following tasks have been solved: (1) analyzing linguistic, folkloric and ethnographic information on the matter, and (2) identifying the relationship between the biology of the animal in question and the mythological projection of its image in the traditional consciousness of the Khakas people. The chronological framework of the study covers the late nineteenth–mid-twentieth centuries. The choice of the chronological scope is primarily due to the state of the source base on the research topic. The study is based on the principle of historicism. Dealing with particular folkloric and ethnographic materials, the author also applies the methods of semantic and comparative analysis. As a result of the analysis, he draws the following conclusions: (1) In the Khakas culture, the hare was assigned one of the most important roles; (2) In oral folklore, the image of the white hare (*ah khozan*) appears to be most common and has polysemantic features; (3) The mythological characteristics of the animal were determined by the biology of the animal itself, i. e. its appearance, lifestyle, and behavior, and the following zoological features were captured in the Khakas language and folklore: peculiar appearance, caution, alertness, extreme mobility, dexterity, ability to run fast and jump high, seasonal dimorphism, high fecundity, etc.; (4) Analysis of the images of this animal reveals many universal stereotypes existing not only among the Khakas, but also in the cultures of other peoples, and related to its perception as an extremely cowardly and weak being. Statements of the hare's fertility and the resulting idea of fertility and erotic symbolism are common, as well as negative assessments of the hare in superstitious road signs; (5) Perceptions of the hare in the worldview of the Khakas reveal a number of specific features inherent only in it. Some physical abilities of this animal, in particular, such as high running speed, ability to jump high, certain maneuverability of its movements, etc., contributed to the convergence of images of the hare and the horse. These associations are widely used in oral folklore, from riddles and sayings to epics. The motive of chasing the hare became widespread. It has a certain relation to marriage, and is represented in the heroic epics; (6) Hare is a nocturnal animal. It arranges shelters in the ground: holes, burrows, hides under the roots of trees, etc. In the religious and mythological perceptions of the Khakas, the designated places were traditionally classified as chthonic space. In this regard, people were convinced that the hare has a mystical connection with the other world. They believed in its ability to be a shape-shifter, and its close contacts with the inhabitants of the otherworld. Therefore, it is obviously not accidental that certain demonic characters were endowed with hare-like features, such as teeth, etc. These circumstances contributed to the fact that the Khakas perceive the hare, among other things, as “the worst of the animals”, i. e. an unclean and potentially dangerous one.

KEY WORDS: Khakas, traditional culture, folklore, hare, image, symbol, myths, rituals

FOR CITATION: Burnakov V. Images of the Hare in the Traditional Beliefs and Folklore of the Khakas (Late Nineteenth — Mid-Twentieth Centuries). *Etnografia*. 2021. 2 (12): 29–51. doi 10.31250/2618-8600-2021-2(12)-29-51 (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Животный мир Хакасии разнообразен и многолик. Одним из самых распространенных его представителей является заяц, обитающий практически повсюду. Этот факт запечатлен в народных поговорках, таких как: «уж не осталось степи, по которой не бегали зайцы; уж не осталось улуса, в котором бы не жаловались друг на друга» (Катанов 1907: 389); «нет гор, где бы не бегал заяц, нет мест, где не был богатырь» (Хакасско-русский словарь 2006: 571).

В природной среде рассматриваемого региона встречаются два вида зайцев: заяц-беляк (*ах хозан*) и заяц-русак (*нора хозан*). Заяц-русак не является исконным обитателем этой территории, его появление здесь датируется первой половиной XX столетия. В 1938 г. в экспериментальных целях в Хакасско-Минусинскую котловину были завезены из Башкирии 132 зайца-русака. Они успешно акклиматизировались и адаптировались к местным условиям и широко распространились по всей ее территории (Кохановский 1961: 24–25). Однако доминирующим видом всегда оставался заяц-беляк.

Среди некоторых хакасских *сёдж'ов* (родов) рассматриваемое животное возводилось в ранг сакрального. Это способствовало распространению у хакасов иносказательных номинаций зайца. «*Хозанны чайыдып, томысхан тічеңнер*» («Зайца иносказательно называли *томысхан*») (Бутанаев 1999: 148). Среди хакасских охотников бытовала практика в период промысла обозначать лесных и иных зверей, а также средства охоты подставными наименованиями. В связи с этим в хакасском языке, помимо известного и общепринятого наименования *хозан* (заяц), употреблялись и иные названия, такие как *килегей, табысхан, томысхан, тотых, толай/тоолай* (Бутанаев 1999: 147, 148, 186; Хакасско-русский словарь 2006: 162, 571, 649, 655). Следует отметить, что слово *толай* (с тем же значением) распространено и в других тюркских языках. Оно зафиксировано также в знаменитой работе В. В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий» (1905: 1192). Эта лексема встречается и в русском языке. М. Фасмер высказал предположение, что указанный термин является монголизмом (1987: 70). Действительно, в монгольском языке слово *туулай* означает зайца (Большой академический монгольско-русский словарь 2001: 667). Очевидно, что и в тюркские языки зооним *толай* попал от монголов.

Заяц является одним из значимых фольклорных персонажей. Он занимает важное место в культовой практике хакасов. Следует отметить, что этот зверь и его образ в мифологических представлениях и фольклоре хакасов никогда прежде не был предметом специального этнографического и фольклорного анализа. В представленной статье мы сделаем попытку восполнить это упущение. Целью данной статьи является характеристика образа зайца в традиционных представлениях и устном народном творчестве хакасов.

ОБРАЗ ЗАЙЦА: БИОЛОГИЧЕСКОЕ И МИФОЛОГИЧЕСКОЕ

Традиционные представления хакасов о зайце и его символизм в своей основе восходят к реальной биологической природе этого животного. Известно, что оно относится к числу травоядных. Свообразие его рациона и обусловленные этим места обитания зайца были запечатлены в фольклоре рассматриваемого народа. Важное место в нем отводится так называемым песням зверей и птиц. Как дополняющий элемент они часто встречаются в мифах и сказках о животных. Помимо того, нередко выступают и в качестве самостоятельных песенных произведений. Песни зверей и птиц представляют собой стихотворные повествования от лица какого-либо зверя. Обычно в них описываются зоологическая специфика и особенности поведения отдельных представителей мира фауны и домашних животных. Среди соответствующих текстов есть и *хозанатың ыры* — (песня зайчика). В ней от лица указанного животного приводится его жизнеописание. Представим отрывки из заячьей песни, в которых отражены отдельные черты биологии животного:

Моя пища — тальниковая кора,
 Мое спальное ложе под деревьями,
 Мен-мен кечейек!
 (Бутанаев, Бутанаева 2008: 82).

Место моего ночлега — вершина лога,
 Место моей лёжки — верх берега,
 Моя пища — верхушки веток ивы.
 (Дополнение II 2014: 721).

В низком тальнике жильё имею,
 Мэнь, мэнь, көгейек!
 В красном тальнике зимнее жильё имею,
 Мэнь, мэнь, көгейек!
 (Хакас 1955: 40–41).

Некрупное травоядное существо, заяц, является одним из ключевых объектов охоты для многих хищных животных и птиц. Вследствие большого количества естественных врагов в природе у него чрезвычайно развиты такие качества, как осторожность, бдительность, тонкий слух и чутье. Вдобавок к этому он имеет сильные задние лапы, что позволяет ему быстро бегать. Этот зверь, где бы он ни находился, постоянно принюхивается и озирается по сторонам и предпочитает прибегать к маскировке. Он всегда готов моментально среагировать на любую угрозу. Из-за того, что заяц находится в состоянии постоянной готовности к всевозможным опасностям, его тело часто охватывает дрожь, вызванная непрерывным мышечным напряжением. И как только заяц почувствует опасность, он тут же пускается в бега (Львов 1975: 11, 44; Соколов и др. 1994: 204–232). В обыденном сознании людей подобное поведение всегда расценивается как проявление трусости. В воззрениях многих народов, в том числе и хакасов, заяц выступает символом страха и слабости, что нашло отражение и в языковых данных. Зоолексема «заяц» часто имеет отрицательные коннотации. Среди фразеологизмов, в составе которых встречается это слово с соответствующей семантикой, можно выделить следующие: *хозан чўрек* — ‘трусливый, заячья душа’, *хортых хозанах* — ‘трусливый зайчик’; *хортых кизи хозан осхас* — ‘трус подобен зайцу’ (Хакаско-русский словарь 2006: 833, 851), *хозанах хараа даа, кўнўрте дее уйгу-чадын чох нимедең хорыгып, халтыразып ла чўрдиp* — ‘зайцу нет покоя ни днем, ни ночью, все он чего-то боится, ходит, дрожит’ (Боргоякова 1996: 93); *хосха осхас сайбагчы, хозан осхас хортых* — ‘словно кошка шкодлив, словно заяц труслив’ (Мудрое слово 1976: 104); *хорых кизи хозаннаң даа хорыхчаң* — ‘трусливый человек и зайца боится’; *хозанах таа чўректең парча* — ‘и даже заяц может рассердиться’ (Старших будешь слушать... 2004: 25, 31).

В хакасском фольклоре имеется немало произведений, в которых отражены подобные взгляды (Мифы 2006: 46; Унгвицкая, Майногашева 1972: 34). Хакасы нередко воспринимали зайца не только как пугливое и беззащитное, но и как глупое животное. Это убеждение нашло отражение в таком распространенном идиоматизме, как *хозан пас* — ‘глупец’; разг. ‘бестолочь’ (букв. ‘заячья голова’) (Боргоякова 1996: 107).

Коренным обитателем природного ландшафта Хакасии, как уже было отмечено, является заяц-беляк (хак. *ах хозан*). Именно его образ — ключевой в хакасском языке и фольклоре. Одной из главных особенностей, резко выделяющих его на фоне остальных видов зайцев, как известно, является сезонный диморфизм. Русское название «беляк» он получил из-за своей зимней (белой) окраски. Зимой на территориях с устойчивым снежным покровом его мех становится белым. Исключение составляют лишь кончики ушей. Летом же животное, как правило, имеет рыжевато-буро-серую окраску. Эта особенность зайца-беляка нашла отражение

в устном народном творчестве хакасов. Заметим, что в большинстве случаев белый цвет является одним из характерных признаков этого зверя. В культуре хакасов указанный цвет наделялся сакральными свойствами. Метафорические описания образа зайца, подчеркивающие его окраску, представлены в народных загадках. Например: *ах хазым харагай аралии чөр пари* ([мой] белый гусь среди сосен идет); *тал аразында ах торгы чатча* (посреди тальника белый шелк лежит) (Материалы... 1947: 123, 125. Перевод наш — Б. В.)¹; *хызыл абдырамны ачыбыстым, ах хозанах сыга салды (хузух изірезі)* (я открыл красную шкатулку, оттуда выскочил белый зайчонок [кедровый орешек]) (Бутанаев, Бутанаева 2008: 303, 321). В эпических произведениях хакасов седые волосы героев, в том числе усы и борода, также устойчиво ассоциируются с образом белого зайца:

Алып чииттер сизін көрзелер,	Богатыри молодые заметили [что],
Апсах-инейнің хара пастары	[У] старика [со] старушкой черные головы
Ах хозанға киптел партыр (Хан Орба 1989: 104).	Белому зайцу уподобились.
Ай Миргеннең Күн Арығ Сынап көрзелер, Пабазынаң инезі, алып кирізі полып,	Ай Мирген с Кюн Арығ Внимательно посмотрели, Отец с матерью, богатырями Постаревшими стали,
Хасха тістері сарғал партыр, Хара пастары ах хозанға киптелтір,	Белые зубы [их] пожелтели, Черные головы [их] белому зайцу уподобились,
Иттеріне ах тамыр тартылыстыр (Ах Хан 2007: 125).	В телах [их] белые жилы протянулись.
Ізік азып көрібісселер, Хара хулаттығ Хулатай иніп тұс-кили,	Дверь раскрыв, видят, Хулатай, на темно-саврасом коне возвращаясь, спуска- ется,
Ахсына ах хозан ызырын-салтыр;	[А во] рту белого зайца, прикусив, удерживает;
Ах хозан ызыр-салған тіп көрзелер,	Белого зайца [во] рту дер- жит, [так] говоря, пригляде- лись,
Эгінің сағалы хурчаңаа чит-парыбысхан	[А оказалось, что растущая

¹ Здесь и далее перевод соответствующих хакасских текстов на русский язык сделан автором.

Аҕарта киріп-парған полтыр

(Албынчі 1951: 97).

с] щек борода [его] пояса
 достигла
 [И до] белизны поседевшей
 [она] оказалась.

В традиционной культуре хакасов белый цвет часто ассоциируется с небесной сферой и даже выступает в качестве одной из ее характерных черт, в связи с чем по отношению к небу нередко используются такие эпитеты как *ax tigir* (белое/светлое небо) или *ax айас* (белая/светлая ясность). В представлениях хакасов и других сибирских народов из-за соответствующего цветового признака заяц-беляк был причислен к животным, имеющим сакральную связь с небом. Согласно хакасской шаманской мифологии, заяц имеет небесное происхождение (Катанов 1907: 492). Следует отметить, что схожие воззрения были распространены и среди бурят. Более того, в их религиозно-мифологических представлениях этот зверь не только имел связь с небом, но наделялся солярной символикой, а также был связан с культом луны (Бадмаев 2021: 725).

В сознании хакасов с небом связывалась идея благодати и воспроизводства. Можно предположить, что вера в сакральную связь зайца с небом, подкрепленная многовековым наблюдением за реальным поведением животного, формировала образ этого животного как существа, наделенного большой половой потенцией.

Одним из характерных зоологических свойств зайца является его плодовитость (Львов 1975: 10–11; Громов, Ербаева 1995: 28–30). В прошлом в Хакасии и на сопредельных территориях периодически происходило резкое увеличение численности зайцев, что неблагоприятно сказывалось на местной флоре, в том числе и на культурных растениях. Урон, причиняемый зайцами хозяйству местных жителей, описан некоторыми учеными (Аргунов 1892: 142; Адрианов 1904: 16). Представление о зайце как о чрезвычайно плодовитом животном нашло отражение и в устном народном творчестве хакасов (Бутанаев, Бутанаева 2008: 81; Майногашева 2009: 32–33).

В культуре многих народов, в том числе славянских, представление о плодородии и плодовитости неразрывно связано с эротической и фаллической символикой. При этом одним из наиболее ярких воплощений данной идеи выступает образ зайца/кролика. В силу своих биологических свойств, связанных с репродукцией, он олицетворяет собой животное, обладающее мощной половой потенцией и неудержимо стремящееся к совокуплению (Гура 1997: 177–183). Реликты данных воззрений встречаются и в хакасском фольклоре, где также представлен образ сексуально озабоченного зайца. Мотив коитуса обнаруживается в хакасской сказке о том, как заяц обесчестил лисицу (Катанов 1907: 494).

Одним из характерных физических качеств зайца является его способность быстро бегать и высоко прыгать. Указанные черты стали неотъемлемой составляющей его образа и нашли отражение в устном народном творчестве хакасов: в устойчивых выражениях, песнях, поговорках, загадках и т. д. Приведем некоторые из них: *хозан харах-хулах чох хыылат пари* (заяц бежит сломя голову) (Хакаско-русский словарь 2006: 908); *сугдаң даа табырах, хардаң даа ах* (быстрее воды, белее снега) (Доможаков 1951: 71; Хакаско-русский словарь 1953: 283); *чапчаң хыйлазлыг, хыйганах отта турлазлыг* ([ноги у него] быстрее спуска курка, а стойбище его в осоке); *арызар кире ах согным атыбыстым (хозан чүгүрүбіскені)* (в сторону леса белую стрелу выстрелил [бег зайца]) (Мудрое слово 1976: 117).

ЗАЯЦ — КОНЬ

Быстрый бег зайца, его выносливость и способность преодолевать обширные пространства на высокой скорости — все это предопределило то обстоятельство, что в мифологическом сознании хакасов заяц не только часто сравнивается с конем, но нередко сливается с ним в едином образе. На формирование данных представлений, помимо обозначенных зоологических особенностей, вероятно, повлиял еще и общий «небесный» символизм указанных животных. Конь в культуре тюркских и монгольских народов, как известно, наделяется солярной символикой. Отождествление образов обнаруживаются в народных загадках: *хоор тайым хойыг талның аразына кір парчых* (мой каурый жеребенок забрел в густой тальник [заяц]) (Хакаско-русский словарь 2006: 845); *аалга кірбес ах ат (хозан)* (белый конь, который никогда в улус не заходит [заяц]) (Доможаков 1951: 71–72). В народных песнях, в частности в *тахпах 'ах*, неслучайно представлены образные сравнения отдельных частей внешнего вида упомянутых животных:

Хозан арғалыг хоор адым	Каурый мой конь со спиной, как у зайца.
Хорымныг чирден чөртчаң ат	Конь мой, по скалам рысью бегающий.

(Хакас... 1980: 41).

Отождествлению образов зайца и коня в немалой степени способствовала такая особенность передвижения первого, как резкие и высокие прыжки до трех-четырёх метров в длину (Львов 1975: 22). На указанную специфику бега зайца в свое время обратил внимание известный русский писатель-натуралист С. Т. Аксаков (1984: 248). Добавим, что во время движения заяц способен неожиданно менять направление бега и резко

отпрыгивать в сторону, и это нередко позволяет ему успешно избавиться от преследования врагов. Типично для зайца стремление запутать свои следы, из-за чего он часто петляет и кружится (Львов 1975: 29). В эпическом творчестве хакасов высокая скорость и стремительность бега богатырского коня и подобающая этому маневренность движений часто сравниваются с характерным перемещением зайца, а также некоторых пернатых. Приведем типичные описания этого процесса:

Төгіл-мағыл чирлерде Ай Хара ат	[По] залитым — кривым местам луноподобный черный конь
Ах хозанча атыхча,	Белому зайцу [подобно] скачет,
Оймах-соғыл чирлерде	[По] ухабистым — неприглядным местам
Ағыяң хусча учухча	Чайке-птице [подобно] пролетает.
(Хара 1977: 34).	
Алып төреен Ай Мічік Ада чиріне айли тартхан,	Богатырем рожденный Ай Мичик [В] отцовскую землю развернувшись, направился, Твердой плетью ударил [коня], Твердую пасть [его] натянул, [И] бело-буланный конь помчался.
Хатығ хамчы сапхан, Хатығ ахсын сіліккен, Ах ой ат үкүс салған. Хартха хусча хаалапчадыр, Ах хозанча чүгүрчедір (Ай Мічікнің 1993: 28).	Птице-ястребу [подобно] взмывает, Белому зайцу [подобно] бежит.
Хара чабаға чүгүр сыхханда,	Черный жеребенок [когда] побежал,
Хара чир тігірескенче,	Черная земля [словно] затряслась,
Хан тигір халтырасханча пілдірче нимес.	Царское небо всколыхнулось, [так] показалось ли.
Ағайаң хусча айлахтан учухча нимес.	Чайке-птице [подобно] пролетает ли.

Ах хозанча пырлахтан, парча нимес (Хара Молат 1993: 69).	Белому зайцу [подобно] кружась, проскакивает ли.
Аннаң аархызын Сайын-Мирген Арғалығ сынны ас-париған Хара чабағаның хузурин Пірлиге синни көр-халған. Алтына мўнген Сарадының Хатығ пудын чара саап-тур, Хатығ ахсын ыра сілик-тур. Ағыя хусча айлахтан-тур, Ах хозанча пырлахтан-тур (Килчичаков 1946: 100).	Затем Сайын-Мирген дальний Горный хребет переваливая, Черного жеребенка хвост Мелькнувший едва заметить [успел]. Оседланного солового коня [своего] Крепкое бедро [его] ударом рассекает, Твердую пасть, [его едва не] разрывая [поводьями], потрясает. Чайке птице [подобно] кру- житься [он] стал, Белому зайцу [подобно] вер- теться [он] стал.

В героической эпике хакасов конь обладает волшебными свойствами, в том числе способностью к оборотничеству. Он может превращаться в человека, в птицу, а также уменьшаться до размеров зайца (Унгвицкая, Майногашева 1972: 129). Причем в хакасском фольклоре «заячьи масштабы» явились типичной сравнительной характеристикой некоторых персонажей, априори обладающих неприметными внешними данными, но при этом физически сильных и имеющих магические способности. К их числу относятся богатырь Топтаан Мирген, рожденный из пяточной кости богатырки Алтын Арығ, и его конь. В одноименном эпосе приводятся следующие их описания:

Таптаан Мирген, ах хозан осхас Ах ой адының ахсын чайхап, Хамчы сапхан. Ах хозан осхас Ах ой аттың Ойлаан тігірті	Таптаан Мирген, [ростом] подобен белому зайцу, Бело-буланого коня [своего] пасть сотрясая, Плетью [его] ударял. Белому зайцу подобный бело-буланный конь Поскакал [с громким] топо- том,
---	--

Ах сабдар аттың тігіртең тігіреп,	Светло-игренивый конь с топотом скача,
Чирнің чабызы чирі көре,	[По] низинам земли
Ойлап парып одырадыр	Быстро скачет, прямо несется.
(Алтын Арығ 1958: 116).	

В богатырском сказании «Богатырь Айдолай, ездящий на богатырском бело-буланом коне» также представлен соответствующий образ героя и его коня:

Пиди чоохтанып ол алып,	Так говоря, тот богатырь,
Изериниң үстуне одыра-түсти.	Поверх седла уселся.
«Адың ах хозанахха синелтир, оолах,	«Конь [твой] с белого зайца размером [оказыва-ется], паренек,
Ал-позың чығанахха синелтирзың, оолах	Сам же ты с локоть размером [оказывается], паренек,
Мындағ, арамзар кізі – хайдар	Такой мелкий человек — куда
Парчазың син, оолағас?!» — тидір	Едешь ты, паренек?!» — говорит.
(Аран-чула 1946: 50).	

В сказке «Алтын көök» («Золотая кукушка») богатырь Ай-Кюн, чтобы унижить достоинство противника, в своей речи намеренно приводит саркастичное сравнение, опять-таки использующее образ зайца: «Говорили, что с высокого хребта придет белая лошадь, а пришел лишь заяц! Говорили, что придет богатырь ростом с высокий тополь, а передо мною виднеется только ребенок!» (Катанов 1907: 230). Вместе с тем в устном народном творчестве хакасов сопоставление образов указанных животных не всегда носит уничижительный характер. Так, например, в нем имеются упоминания о мифическом народе *иргегит*, якобы проживавшем в верховьях Енисея. Представители этого народа описываются как «люди ростом с локоть, ездящие на конях величиной с зайца» (Бутанаев, Бутанаева 2010: 181). Отметим и то, что представления о своеобразных лесных лилипутах, которые используют в качестве транспортных средств не коней, а именно зайцев, были зафиксированы в конце XIX в. Н. Ф. Катановым у карагасов (совр. тофалары). Он записал у них миф о таежном «вечном народе, ездящем на зайцах». Верили, что он является хранителем волшебной воды, дарующей вечную жизнь (Катанов 1907: 654–655). Добавим, что в песенном творчестве указанного народа образы зайца и коня также часто отождествляются (Катанов 1907: 617).

В мифологическом сознании быстрота бега зайца зачастую сопоставляется с лошадиным бегом, а нередко и превосходит его. Поэтому не случайно в героических сказаниях хакасов получил развитие сюжет, связанный с погоней за зайцем. Заметим, что мотивы преследования этого зверя разнообразны. В одном случае для богатырей его поимка является обязательным условием женитьбы на ханской дочери. Обозначенный процесс — одно из труднейших испытаний ввиду непревзойденной скорости передвижения, юркости и неуловимости животного (Сарыг 1991: 100–101; Хара 1993: 120).

К вышеизложенному добавим, что в религиозно-мифологических воззрениях хакасов образ зайца нередко олицетворяет собой женское начало. Подобное представление, вероятно, могло быть связано с верой в небесное происхождение зайца. По архаическим представлениям хакасов небо наделялось амбивалентными характеристиками. Оно совмещало в себе мужское и женское начала. В шаманской молитве, обращенной к одному из духов-покровителей, небо прямо называется матерью: «Отец его — святой Аркай, и мать — святое небо (Тегир)» (Катанов 1893: 92).

В хакасском фольклоре встречается следующий сюжет: девушка по тем или иным причинам перевоплощается в зайца. Так, например, в легенде о богатыре Похта-Крис описывается процесс, связанный с подобным превращением: «Похта-Крис, когда зайца ухватил за два его уха вместе и трижды встряхнул, она сама собою предстала — стала [девой] Погана-Арыг» (Майногашева 2009: 36). В богатырском сказании «Ай Мичик и Кюн Мичик» также обнаруживается соответствующий мотив оборотничества:

Көрүп-сынап көрзе, пайаагы хыр хозан,

Хозан полбаандыр,

Кізі полтыр — хыс кізі

(Ай Мічікнің 1993: 17).

[Богатырь,] разглядывая-изучая, видит, [что] прежний серый заяц
Зайцем-то не был,
Человеком оказался —
девушкой.

В рассматриваемом контексте мотив погони за зайцем, представленный в эпических повествованиях, может свидетельствовать не только о соответствующих предсвадебных испытаниях жениха, в которых он должен был проявить свои лучшие богатырские качества: смекалку, силу, ловкость, упорство и пр. Сам акт поимки зайца избранным героем, вероятно, еще и символически указывает на идею непосредственной «добычи» невесты либо ее жизненной силы, представленной в образе указанного животного.

ДЕМОНИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЗАЙЦА

Вместе с тем в эпических произведениях хакасов преследование зайца все же чаще обусловлено промыслово-охотничьей целью богатыря. При этом во многих случаях под видом обозначенного животного нередко скрывается превращенная в него женщина-ведьма. Она, как правило, имеет в отношении героя злокозненные планы. Указанный персонаж, пребывая в заячьем образе, специально провоцирует (нередко еще и вербально) богатыря отправиться за ним в погоню. В итоге он завлекает его в свои владения и часто осуществляет свои дурные намерения. Такой зверь-оборотень обыкновенно выделяется необычным внешним видом (например, обладает тремя ушами и пр.), что подчеркивает его магические способности и связь с потусторонним миром:

Иди көрүп сынапчатса, Хара таллар аразында	Так идя, глядя-присматривая, [Заметил, что] посреди черных гальников
Ўс хулахтыг хыр хозан Аар-пеер сегіріп чөрче. — Адаң ал, хайдаг мындаг Ўс хулахтыг хозан пол, — тидір.	Треухий серый заяц Туда-сюда прыгая, перемещается. — Черт-те что, какой такой [еще] Треухий заяц [сюда] явился, — говорит.
Аннаң андары полза, Оң ізебін харбана түскен,	После того, [Руку в] правый карман, ощупывая, опустил,
Хабырғадаң охчаа сығара тартхан, Табылғаттаң иткен соған сығарған.	Из-за ребра лук вытянул, Из таволожника сделанную стрелу достал.
Сах аннаң, кил, матап көріп, Позыди пир килген. Иди көрчетсе, сыр чүмезін поэдып,	Тотчас, подойдя, пристально глядя, [Стрелу] выпустил [в него]. Так всматриваясь, свистящую стрелу выпустив,
Ўс хулахтың хулағына Тиип, үзе тартыл халтыр. Хыр хозан полза Аар-пеер сегірген, Хай парған, хай кірген	[Из] трех ушей [одно] ухо, Зацепив [стрелой], напрочь оторвало. Серый заяц же Туда-сюда попрыгал [И] куда-то делся, куда-то скрылся
Көр таппин халған <...>. Алып полған ах ой ат Хыр хозанның соонаң чүгүр, сыхты. Чир үстүн полза, Читі айландыра сүрче.	Пропал из виду <...>. Богатырский бело-буланный конь За серым зайцем поскакал. [Всю] поверхность земли Семь раз обойдя, гонится.

Ай, алтын полза,	[Весь] подлунный [мир]
Алты айландыра сўрче.	Шесть раз обойдя, гонится.
Чамдых айлығ, чамдых кўнниғ	[С] половинной луной, [с] полови-
	нным солнцем
Чирге орта пол парды.	[В какою-то] землю попал.
(Ай Мічікниң 1993: 8–9).	

Схожая картина погони богатыря за ведьмой Хыязым Арығ, пребывающей в образе зайца, представлена и в эпосе «Дева-богатырь Красная Лисица»:

Амды сўр-парир Пора-Хан.	Теперь [стал] преследовать [зайца]
	Пора-Хан.
Аран-чула алып поразын	Богатырского серого скакуна,
Хобай-киліп табаңназа,	Приподнявшись [на стременах],
	пришпоривает,
Хол хабырғалары тезіп иртіпче,	[По] склонам логов, убегая, проходит,
Хасхай-киліп табаңназа,	Возвысившись [на стременах],
	пришпоривает,
Хазылығ хабырғалары тезіп иртіпче.	[По] склонам берегов убегая,
	проходит,
Пурны чірік пора хозан	[С] рассеченным носом
	серый заяц
Ах чазы хуба-сөллиң ортызында	[В] белой выжженной степи,
	по середине
Хаалағ тастап кил ойлапча.	Галопом [бешеным] скачет.
Пора-Хан кил порадының	Пора-Хан [тут] серого коня
	[своего]
Хатығ ахсын чара тартыпча,	Твердую пасть [до] оскала
	натягивает,
Халын пудын чара саапча...	Крепкое бедро [его] ударом
	рассекает...
Аран-чула пораттың тізен,	[А у] богатырского серого
	скакуна, оказывается,
Аны сўріп чидерге	Его [зайца], преследуя,
	догнать
Арығ кўзі аарда албинча,	Чистой силы совершенно не
	хватает,
Алмах саа чир дее читпинче	Мочи скакать [по] земле
	недостает.
(Тўлгү 1951: 107).	

В хакасском фольклоре многие отрицательные женские персонажи наделяются некоторыми чертами зайца. В частности, ведьмы *хуу хат*, а также дочери владыки царства мертвых *Ўзүт-хана* и другие демоницы обладали заячьими зубами (Бутанаев, Бутанаева 2008: 93, 103; Бутанаев 2014: 121). Таков, например, портрет *Ўзүт Арыг* в героическом сказании «Албынчы»:

Хан-Мирген тулагазын аза тартып,	Хан-Мирген забрало [шлема]
Амды көрүп турыбысхан.	отворил
Көрүп турза:	[И], остановившись, всматриваться
Ўс азахтыг хара пииге алтан салган	стал.
Угаа хоргыстыг ниме турча:	Видит: [перед ним]
Ўс ала чылан сүрбестіг,	На трехногой черной кобыле верхом
Харах аразы харыс читпестег,	Очень страшное нечто стоит —
Хулах аразы хулас читпестег,	С тремя пестрыми змеями-косами,
Хозан тістіг, хой харахтыг	[Между] глаз расстояние — верхка
Чирдең хара сырайлыг ниме	не достигает,
Хара пиинін үстінде одырчададыр	[Между] ушей расстояние — сажени
(Албынчи 1951: 37).	не хватает,
	[С] заячьими зубами, овечьими
	глазами,
	[С] чернее земли лицом [это] нечто,
	[На] черной кобыле сидит верхом.

Из зоологии известно, что заяц ведет преимущественно сумеречно-ночной образ жизни (Львов 1975: 10). Ночью синий (серый) цвет неба сменяется черным (*хара*). У хакасов лексема *хараа* (букв. ‘чернь, темень’) означает ночь. В религиозно-мифологическом сознании хакасов это время устойчиво соотносилось с наибольшей активностью нечистой силы. Очевидно, это обстоятельство стало причиной того, что зайцу начали приписывать демонические черты. Следует добавить, что свои лёжки заяц устраивает в ямах, оврагах, поросших кустарниками, под корнями больших деревьев, в валежниках, а порой и в заброшенных норах других животных. В религиозно-мифологических представлениях эти места ассоциировались с хтоническим миром. Вследствие чего хакасы полагали, что заяц имеет особую магическую связь с подземным пространством, главным образом с его зловредными обитателями, а также обладает способностью к оборотничеству. Заметим, что изображение зайца на шаманском бубне (*түүр*) нередко встречается в нижней его (бубна) части, отождествляемой с подземным миром (Иванов 1955: 202–214).

По-видимому, все это в совокупности предопределило восприятие зайца как опасного и нечистого животного. В устном народном творчестве

хакасов в отношении него часто применяется такое негативное определение, как *аң хомайы ах/пора хозан* (худший из зверей белый/серый заяц) (Түлгү 1951: 105, 108). Ассоциация этого зверя с чем-то отрицательным косвенно представлена и в поговорке: *хозанахтың мўні хойыг, чабал кизінің чўрее ханныг* (бульон из зайчика густой, а сердце у плохого человека кровавое) (Хакасско-русский словарь 2006: 833). В этой связи встреча с зайцем в пути воспринималась хакасами как дурное предзнаменование. Н. А. Попов, изучая верования хакасов, записал такую дорожную примету: «Если заяц перебежит дорогу, то случится несчастье» (1884: 648). По хакасской традиции, перед отправлением в далекий путь люди обязательно получали *алгыс* — благословление от представителей старшего поколения, имеющее магическое значение. Ключевым пожеланием в нем было устранение всевозможных помех в дороге, быстрое и успешное завершение намеченного мероприятия. При этом одним из возможных нежелательных событий в пути была встреча с зайцем. Путники всегда стремились избежать такой встречи, так как были глубоко убеждены, что она не сулит ничего хорошего. Ср. пожелание в *алгысе*:

Пусть твой путь поперек не пересекает
 Худший из зверей — белый заяц!
 Отправившись из отцовского дома,
 Возвращайся назад здоровым!
 (Бутанаев, Бутанаева 2008: 355).

Когда заяц все же пересекал людям путь, для нейтрализации потенциальной опасности незамедлительно применяли охранительную магию. Для этого брали ветку какого-либо дерева и трижды разламывали с заклинанием «пусть поломаются его ноги». Затем обломки бросали вслед убегающему зверю (Бутанаев 2003: 70). Представления о негативных последствиях встречи с зайцем были распространены и среди монгольских народов. Так, Г. Н. Потанин отмечал следующее суеверие у монголов: «...если заяц (*тола*) перебежит дорогу — худо» (2005: 132). Калмыки, встретившие в пути зайца, трижды махали плетью или рукой в ту сторону, куда бежал заяц (Басангова 2019: 102). Заметим, что такого рода представления, видимо, являются универсальными. Они также широко распространены среди славянских и финно-угорских народов (Гура 1997: 191; Винокурова 2006: 144).

Одним из отличительных внешних признаков рассматриваемого зверя является так называемая заячья губа. Так называют своеобразное рассечение верхней губы по центру, которое переходит в нос. Указанная особенность нашла отражение в одном из хакасских наименований, имеющих переносное значение: *чирік нурун* ('раздвоенный/рассеченный нос') (Түлгү 1951: 107–109; Каксин 2015: 109). Отметим, что в фольклоре этого

народа представлены этиологические повествования о «заячьей губе» (Бутанаев, Бутанаева 2008: 128–129).

Среди хакасов в связи с указанной анатомической особенностью зайца широко бытовали суеверные представления, обусловившие некоторые запреты. Они касались преимущественно представителей женского пола. Так, например, беременным женщинам запрещалось смотреть на зайца, поскольку в противном случае у них могут родиться дети с заячьей губой (Бутанаев 2003: 70). Охотники, добывшие зайца, тут же на месте отрезали у него нос и верхнюю губу и немедленно их выбрасывали (Карачаков 2004: 63). Исходя из тех же суеверных соображений, заячью тушку всегда разделявали вне жилища (Бутанаев 2003: 70). Следует добавить, что для отдельных хакасских *сёбков* (в частности, *пүрүт* и *хасха*) заяц был полностью табуирован ввиду того, что он являлся сакральным тотемным животным (Кузнецова, Кулаков 1898: 192; Яковлев 1900: 45; Хайтун 1960: 112–113). Отметим, что отдельные группы бурят и калмыков также почитают зайца как тотемное животное (Бурнаков, Цыденова 2017: 36–48; Басангова 2019: 105). Можно предположить, что реликты подобных воззрений представлены в хакасских загадках. В них образы некоторых народов соотнесены с отдельными животными. Например: *пилде пыраат, ойда ойрат, хырда хыдат (хозан, пүүр, хызыл киик)* — на седловине бурят, в логу *ойрат*, на холме *хыдат* (заяц, волк, косуля); *чолда чодат, ойымда ойрат, чазыда хыдат (пүүр, хозан, киик)* — на дороге *чодат*, в логу *ойрат*, в степи *хыдат* (волк, заяц, косуля) (Бутанаев, Бутанаева 2008: 304, 305, 322, 323). В настоящее время подлинный смысл приведенных загадок понять сложно. Возможно, речь идет о типичных ландшафтах обитания обозначенных народов, переданных в метафорической форме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов заяц в силу своей широкой распространенности, а также вследствие зоологической специфики занимал одно из важных мест. Образ его неоднозначен. Во многом особенности его обусловлены самой биологией животного, в частности внешностью, образом жизни и особенностями поведения. Заяц — относительно небольшое травоядное животное, которое в природе имеет множество естественных врагов как среди животных, так и птиц. Это способствовало формированию у зверька важных свойств и умений: осторожности, бдительности, чрезвычайной мобильности, ловкости, возможности быстро бегать и высоко прыгать, — а также сезонному диморфизму, умению хорошо маскироваться, высокой плодовитости и т. д. Все перечисленные качества нашли прямое или косвенное отражение в языке и фольклоре хакасов. В традиционном сознании образ зайца

устойчиво ассоциировался с такими психологическими качествами, как трусость и глупость. Не остались незамеченными и такие внешние особенности, как белый цвет его зимней шерсти, «заячья губа» и пр. Все это было запечатлено в фольклоре. В фольклорных текстах находим и народное объяснение некоторых анатомических особенностей животного.

Во многих текстах большое внимание уделяется белому цвету зайца. Данный факт указывает, помимо прочего, на автохтонность и доминирование в природной среде Хакасии именно зайца-беляка. В традиционных представлениях хакасов это млекопитающее, обладающее белым мехом, наделялось небесной символикой. Возможно, она вкупе с зоологическими особенностями легла в основу многих особенностей образа зайца, в частности тут важны семантические связи с идеей воспроизводства и плодovitости, «женским началом», с конем и др.

Заяц — один из тех зверей, которые проявляют свою активность преимущественно ночью. Мифологическое восприятие этого времени суток, а также своеобразие ночного неба, вероятно, способствовали причислению его к существам, связанным с хтоническим пространством. Развитию данных представлений способствовало, вероятно, и обыкновение зайца устраивать свои лежки в глухих, укромных местах, низинах, в оставленных норах других животных. образу зайца хакасы приписывают многие демонические черты, в том числе. способность к оборотничеству. В традиционном восприятии хакасов заяц часто характеризуется как «худший из зверей» — нечистое животное, обладающее потенциальной опасностью.

Итак, образ зайца является одним из распространенных и заметных образов животных, запечатленных в фольклоре и традиционных представлениях хакасов. Этот образ обладает широкими семантическими связями. Характеристика зверька обнаруживает немало универсальных стереотипов, имеющих не только у хакасов, но и в культурах других народов. Главным образом они связаны с восприятием зайца как чрезвычайно трусливого и слабого существа. Общим местом является констатация плодovitости и обусловленная этим идея плодородия и эротическая символика. Типична также негативная оценка зайца в суеверных дорожных приметах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Адрианов А. В.* Очерки Минусинского края. Томск, 1904.
- Ай Мічкінің и Күн Мічік // Ай Мичик и Кюн Мичик. Богатырские сказания (на хак. яз.). Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1993. С. 4–62.
- Аксаков С. Т.* Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1984.
- Албынчі (алыптыг нымах) // Алыптыг нымахтар (на хак. яз.). Абакан: Хакасское обл. кн. изд-во,, 1951. С. 13–98.

Алтын Арыг // Алтын Арыг. Алыптыг ныхыхтар (на хак. яз.). Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1958. С. 3–125.

Аран-чула ах ой аттыг алып Айдолайданар // Хакасский фольклор (на хак. яз.). Абакан: Хакасское обл. нац. изд-во, 1946. С. 3–72.

Аргунов П. Очерки сельского хозяйства Минусинского края и объяснительный каталог музея. Казань: Тип. Н. А. Ильященко, 1892.

Ах Хан на бело буланом коне. Ах пора аттыг алып Ах Хан. Богатырское сказание, записанное от С. И. Шулбаева (на хак. яз.). Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2007.

Бадмаев А. А. Заяц в традиционных представлениях и обрядах бурят // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. XXVI. С. 723–729.

Басангова Т. Г. Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: КалмГУ, 2019.

Большой академический монгольско-русский словарь. М.: Academia, 2001.

Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Абакан: Изд-во ХГУ, 1996.

Бурнаков В. А., Цыденова Д. Ц. Хозан тӧс — заячий фетиш в мифологических представлениях и обрядности хакасов (конец XIX — середина XX века) // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 417. С. 36–48.

Бутанаев В. Я. Будни и праздники тюрков Хонгорая. Абакан: ООО «Журналист», 2014.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003.

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: УПП «Хакасия», 1999.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. Абакан: ООО «Кооператив “Журналист”», 2010. 240 с.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мир хонгорского фольклора. Абакан: Изд-во ХГУ, 2008.

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006.

Громов И. М., Ербаева М. А. Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий. Заяцобразные и грызуны. СПб., 1995.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.

Доможаков В. И. Хакасские загадки // Записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 2. Абакан: Хакасское обл. кн. изд-во, 1951. С. 60–84.

Дополнение II // Хакасские народные сказки (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 33). Новосибирск: Омега принт, 2014. С. 700–728.

Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 16. М.; Л.: АН СССР, 1955. С. 165–264.

Каксин А. Д. Традиционное мировоззрение и его отражение в языке: К вопросу о проблематике этнолингвистики (на материале тувинского, хакасского и хантыйского языков) // Новые исследования Тувы. 2015. № 2. С. 105–113.

Карааков С. Е. Чонымга өдзім айладарчам (Возвращаю свой долг народу). (На хак. яз.) Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2004.

Катанов Н. Ф. Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана // Приложение к LXXIII тому Записок Импер. Акад. наук. № 8. СПб., 1893.

Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). Т. 9. СПб., 1907.

Килчицаков М. Е. Пили ала хара чабагалыг Пил Тарааннаңар // Хакасской фольклор (Хакасский фольклор). Абакан: Хакасское обл. кн. изд-во, 1946. С. 73–102.

Кохановский Н. Заяц-русак в Хакасии // Охота и охотничье хозяйство. 1961. № 3. С. 24–25.

Кузнецова А. А., Кулаков П. Е. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск: Тип. Енис. губ. управления, 1898.

Львов И. А. Охота на зайцев. М.: Физкультура и спорт, 1975. 47 с.

Майногашева В. Е. Хакасская народная детская поэзия. Абакан: Диалог-Сибирь-Абакан, 2009.

Материалы по хакасскому фольклору // РФ ХакНИИЯЛИ. Ф. 287. М. 34. 1947.

Мифы и легенды хакасов. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006.

Мудрое слово. Сборник хакасских народных пословиц и поговорок и загадок. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-во, 1976.

Попов Н. А. Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Известия ИРГО. СПб., 1884. Т. 20. Вып. 6. С. 645–659.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. 2 изд. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1905.

Сарыг Чанывар // Сибирские сказания. М.: Современник, 1991. С. 40–124.

Соколов В. Е., Иваницкая Е. Ю., Груздев В. В., Гептнер В. Г. Млекопитающие России и сопредельных регионов. Зайцеобразные. М.: Наука, 1994.

Старших будешь слушать, долгими будут дни твои. Улугһың чооһын иссең, узада күнни көрерзиң. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2004.

Түлгү Хызыл алып хыс (алыптыг нымах) // Алыптыг нымахтар (на хак. яз.). Абакан: Хакасское областное книжное издательство, 1951. С. 101–156.

Унгицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-во, 1972. 312 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М.: Прогресс, 1987.

Хайтун Д. Е. Пережитки тотемизма у хакасов // Труды Тадж. гос. ун-та им. В. И. Ленина. 1960. Сер. ист. наук. Т. 27. Вып. 1. С. 111–124.

Хакас чонның тахпахтары. Хакасские народные тахпахи. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-во, 1980.

Хакас чонының көглері. Народное музыкальное творчество хакасов. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1955.

Хакасско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1953.

Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006.

Хан Орба. Богатырское сказание, записанное от С. И. Шульбаева (на хак. яз.). Абакан: Хакасское книжное издательство, 1989. 208 с.

Хара Молат // Ай Мичик и Кюн Мичик. Богатырские сказания (на хак. яз.). Абакан:

Хакаское кн. изд-во, 1993. С. 63–127.

Хара Хусхун (Алыптыг нымах) (на хак. яз.). Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-во, 1977.
 Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Вып. 4. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900.

REFERENCES

Aksakov S. T. *Zapiski ruzheinogo okhotnika Orenburgskoi gubernii* [Notes of a rifle hunter of the Orenburg province]. Ufa: Bashkir-e kn. izdatel'stvo Publ., 1984. (In Russian).

Badmaev A. A. [Hare in traditional beliefs and rituals of the Buryats]. *Problemy arkeologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: materialy Godovoi itogovoi sessii IAET SO RAS* [Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories: materials of the Annual Final Session of the IAET SB RAS]. Novosibirsk: IAET SO RAS Publ., 2020, vol. 26, pp. 723–729. (In Russian).

Basangova T. G. *Zhivotnye v kalmytskom fol'klore* [Animals in Kalmyk folklore]. Elista: KalmGU Publ., 2019. (In Russian).

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Comprehensive academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow: Academia Publ., 2001. (In Mongolian, in Russian).

Borgoiakova T. G. *Kratkii khakassko-russkii frazeologicheskii slovar'*. [Concise Khakass-Russian phraseological dictionary. Tutorial]. Abakan: Izdatel'stvo KhGU Publ., 1996. (In Khakass and in Russian).

Burnakov V. A., Tsydenova D. Ts. [Khozan tos — a hare fetish in mythological representations and rituals of the Khakass (late 19 — mid 20 century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2017, vol. 417, pp. 36–48. (In Russian).

Butanaev V. Ya. *Budni i prazdniki tyurkov Khongoraya* [Everyday life and holidays of the Khongoray Turks]. Abakan: Zhurnalst Publ., 2014. (In Russian).

Butanaev V. Ya. *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya* [Burkhanism Turks Sayano-Altai]. Abakan: KhGU Publ., 2003. (In Russian).

Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskii slovar'* [A Khakass-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan: Khakasiya Publ., 1999. (In Khakass, in Russian).

Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. *My rodom iz Khongoraiia. Khakasskie mify, legendy i predaniya* [We are from Hongoray. Khakass myths, legends and traditions]. Abakan: ООО «Кооператив “Zhurnalst”» Publ., 2010. (In Russian).

Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. *Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora* [World of Khongor (Khakass) folklore]. Abakan: KhSU Publ., 2008. (In Russian, in Khakass).

Domozhakov V. I. [Khakass riddles]. *Zapiski Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo Institute yazyka, literatury i istorii* [Khakass Research Institute of Language, Literature and History], vol. 2. Abakan: Khakass Regional State Publ., 1951, pp. 60–84. (In Khakass, in Russian).

Gromov I. M., Erbaeva M. A. *Mlekopitayushchie fauny Rossii i sopredel'nykh territorii. Zaitseobraznye i gryzuny* [Mammals of the fauna of Russia and adjacent territories. Lagomorphs and rodents]. St. Petersburg, 1995. (In Russian).

Gura A. V. *Simvoloka zhivotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii* [Symbols of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow: Indrik Publ., 1997. (In Russian).

Ivanov S. V. [To the question of the meaning of the symbols on ancient objects of worship among the peoples of the Sayan-Altai highlands]. *Sbornik Muzeja antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], 1955, vol. 16. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., pp. 165–264. (In Russian).

Kaksin A. D. [Traditional worldview and its reflection in language: On the problem of ethno-linguistics (based on the Tuvan, Khakass and Khanty languages)]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New research of Tuva], 2015, no. 2, pp. 105–113. (In Russian).

Karachakov S. E. *Chonyma ödizim ailandarcham (Vozvrashchaiu svoi dolg)* [I am returning my debt to the people]. Abakan: Khakas. book Publ., 2004. (In Khakass)

Khaitun D. E. [Remnants of totemism among the Khakass]. *Trudy Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V. I. Lenina* [Proceedings of the V. I. Lenin Tajik State University] Ser. ist. nauk., 1960, vol. 27, no. 1, pp. 111–124. (In Russian).

Kil'chichakov M. E. [Peel Taraan riding a foal with a dark-colored back]. *Khakasskai fol'klor (Khakasskii fol'klor)* [Khakass folklore]. Abakan: Khakobl'natsizdat Publ., 1946, pp. 73–102. (In Khakass)

Kokhanovskii N. [European hare in Khakassia]. *Okhota i okhotnich'e khozyaistvo* [Hunting and hunting economy], 1961, vol. 3, pp. 24–25. (In Russian).

L'vov I. A. *Okhota na zaitsev* [Hare hunting]. Moscow: Gos. izdatel'stvo "Fizkul'tura i sport" Publ., 1975. (In Russian).

Mainogasheva V. E. *Khakasskaya narodnaya detskaya poeziya* [Khakass folk poetry for children]. Abakan: OOO Dialog-Sibir'-Abakan Publ., 2009. (In Russian, in Khakass)

Mify i legendy khakasov [Myths and legends of Khakass]. Abakan: Khakas. book Publ., 2006. (In Russian).

Mudroe slovo (Khyiga sos). *Sbornik khakasskikh narodnykh poslovits pogovorok i zagadok* [A wise word. Collection of Russian folk proverbs, sayings and puzzles]. Abakan: Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 1976. (In Russian., in Khakass).

Potantin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Izdanie 2* [Essays on North-West Mongolia. Edition 2]. Gorno-Altaysk: "Ak Chechek" Publ., 2005. (In Russian).

Sokolov V. E., Ivanitskaya E. Iu., Gruzdev V. V., Geptner V. G. *Mlekopitayushchie Rossii i sopredel'nykh regionov. Zaitseobraznye* [Mammals of Russia and adjacent regions. Lagomorphs]. Moscow: Nauka Publ., 1994. (In Russian).

Ungvitskaia M. A., Mainogasheva V. E. *Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo* [Khakass folk poetry]. Abakan: Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 1972. (In Russian).

Vinokurova I. Yu. *Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii)* [Animals in the traditional worldview of Veps (reconstruction experience)]. Petrozavodsk: PetrSU Publ., 2006. (In Russian).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГИИНС — Государственное издательство иностранных и национальных словарей
ИРГО — Императорское русское географическое общество
КалмГУ — Калмыцкий государственный университет
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
РФ ХакНИИЯЛИ – Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории
УПП — Укрупненное полиграфическое предприятие
ХГУ — Хакасский государственный университет

Submitted: 16.01.2021

Accepted: 30.03.2021

Article published: 01.07.2021